

Кузбасс. 22 авг. 1965 г. С. 4.

Виктор БАЯНОВ

ИЗ АЛТАЙСКИХ ЗАРИСОВОК

Жарынь-жара.
Ни дождина, ни грома.
Пона бессилен тут любой приказ.
И раскалилась пыль аэродрома,
Как спорящая очередь у касс.
Ну, что бы ветру вдоль лощины
дунуть
И нас бодрящей свежестью
обдать.
Но ветра не дожидаться,
надо думать,
Осталось сесть в тени
и наблюдать.
Алтайки едут с ягодной тарой,
Везет пацан в корзинке
двух щенков,
А рядом песню тянет самый
старый
Из молодой бригады сплавщиков.
А песня эта про тайгу да сопки,
Да про старинное житье-бытье.
Наверно, выпил после смены
стопну,
А, может быть, он и не пил ее.

Неподалеку женщина проходит.
Такая если за руку возьмет —
Любую непогоду распогодит,
Любую бурю на душе уймёт.
Она светла таежным мягким
светом,
И молодостью взгляд ее искрит.
Ей, может, кто-то говорит
об этом,
А может, и никто не говорит.
А солнце жжет, терпенье наше
мерит.

За небом люди пристально
следят.
Все ждут и ждут.
И все, конечно, верят
В то, что они сегодня улетят.
Вот и последний самолет
покинул
Окраину алтайского села.
Один лишь день разлуки нашей
минул,
А вроде вечность целая прошла.

☆☆☆

На бедре со спиртом фляжка,
На другом кинжал-гроза.
На огонь охотник Сашка
Щурит меткие глаза.
Вот и щурит, вот и щурит
И ни разу не моргнет.
Вот и курит, вот и курит,
Папиросу в пальцах мнет.
Эти пальцы мяли шкурки —
Загорелы и ловки.
Прижигали их окурки,
Примерзали к ним курки.
Сев на краешек уступа,
Как на лавочку в избе,
Сашка медленно и скупно
Повествует о себе.
Горный край, где жизнь сурова,
Исходил он без дорог
Поперек и вдоль.

И снова
Трижды вдоль и поперек.
И не раз, изранив тело,
Грузно падая в лога,
Думал: чтоб она сгорела,
Эта самая тайга.
Но вершинами кивая,
Так, что любо посмотреть,
Гордо стынет вековая
И не думает гореть.
И зовет, как прежде, в щаци,
Словно где-то там тайгой
Ходит-бродит его счастье
Молодою кабаргой.
И алтайца не тревожит,

Что, распадном торопя,
Обмануть однажды может
Вроде б верная тропа.
Что когда-нибудь у речки,
У багряных у рябин,
Вдруг возьмет и даст осачку
Вроде б верный карабин...
Отстегнув со спиртом фляжку,
Разморюсь возле огня,
Про себя толкует Сашка,
А как будто про меня.
Пламя ниже, пламя ниже,
Ближе, ближе тень сосны.
Я впервые ясно вижу
Сам себя со стороны.
И, вдыхая синий воздух,
Не пойму в мерцанье хвой —
То ли искры, то ли звезды
Над моею головой.

☆☆☆

Я еще не забыл,
Как однажды в сельмаге
Мой отец мне купил
Стопку белой бумаги.
Он за листиком лист
Выдавал мне в избенке.
Каждый листик был чист,
Как душа у ребенка.
Сам сравнить я не мог,
Не меня осенило,
Это, глядя листок,
Мама так об'яснила.
Под него я совал
Сказок тоненький томик
И тайгу рисовал,
И охотничий домик.
А еще рисовал

Мак багряный под небом.
А еще — засевал
Поле ровное хлебом.
Птицы пели в овсе,
Три луны восходили.
В доме старшие все
Те рисунки хвалили.
Взял я в сердце с тех лет
Неба светлую синьку,
Мягкий солнечный свет,
Полевую грустинку.
Вьюгу, бьющую в дверь,
И тепло от печурки...
Сам бумагу теперь
Приношу я дочурке.
Пусть распишет хоть враз
Всю — в березки и маки.
Только б не было грязи
На чистой бумаге.

ПРОВЕРЯЕМ
ДОСТАВКУ
«КУЗБАССА»

В 8 часов 45 минут утра самолет взлетел с Кемеровского аэропорта и взял курс на Тисуль.

В пути почти все пассажиры читали свежий, еще пахнущий типографской краской «Кузбасс», который успели приобрести перед вылетом в киоске «Союзпечати».

А через час в Тисуле к самолету спешила почтовая машина...